

DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10073

УДК (UDC) 82-31

***Elena A. Shuvaeva-Petrosyan,
The Literary Institute after A. M. Gorky,
Moscow, Russia***

***For citation: Shuvaeva-Petrosyan Elena A., (2020).
Andrei Bitov and Yuri Karabchevsky... Epoch and Parallels.
Cross-Cultural Studies: Education and Science
Vol.5, Issue 2 (2020), pp. 32-39 (in USA)***

Manuscript received: 22/05/2020

Accepted for publication: 15/06/2020

The authors have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ANDREI BITOV AND YURI KARABCHIEVSKY ... EPOCH AND PARALLELS

АНДРЕЙ БИТОВ И ЮРИЙ КАРАБЧИЕВСКИЙ... ЭПОХА И ПАРАЛЛЕЛИ

Abstract:

Andrei Bitov and Yuri Karabchievsky are two Russian writers born in the late 30s of the last century. The dramatic intensity of history — the element that chased them from the first days of their lives: repressions, World War II, "post-war Stalinism " that fell on the early childhood, though little remembered, but left an imprint on their worldviews.

It is worth highlighting separately the period of creative formation and the state of “internal emigration”, when the realization of the will and writing potential is impossible, which has turned writers away from the Soviet Union and made them seek the possibility of publishing in foreign publications.

This article, since the work is an excerpt from a research work devoted to the topic of Armenia in the works of Bitov and Karabchievsky, considers not only the influence of the era but also key milestones in the life of writers such as Osip Mandelstam, Hrant Matevosyan, Armenia, “Metropol” magazine, dissidentism.

Keywords: Andrey Bitov, Yuri Karabchievsky, Osip Mandelstam, Hrant Matevosyan, Armenia, Russian writers, Russian literature, Soviet Union

Введение

Андрей Битов (г. р. 1937) и Юрий Карабчиевский (г. р. 1938) принадлежат к поколению детей, рожденных во время Большого террора — периода наиболее массовых сталинских репрессий и политических преследований в СССР 1937 — 1938 годов. Сам Битов называл 1937 год — год Красного Огненного Быка — «пресловутым», но он родил довольно-таки много народу, который скрасил эпоху разностронними талантами [1]. Первопричиной стало принятие постановления ЦИК и СНК СССР, запрещавшее аборт. Случилось это 27 июня 1936 года. Перед этим в мае была организована «широкая поддержка трудящимися» проекта закона о запрещении аборта в средствах массовой информации.

«И вот, с начала года стали появляться люди, которых впоследствии назовут известными писателями и поэтами, — поделился размышлениями в интервью Андрей Битов. — А открывает этот список первый Бык — январский — поэт Владимир Уфлянд, которого мало кто знает; только Бродский написал о нем небольшой очерк «Страна Уфляндия». К первым «под бортникам» относятся Валентин Распутин, Владимир Маканин, Белла Ахмадулина... И дальше рождались, можно сказать, бесполезные люди — например, драматург и прозаик Александр Вампилов» [1].

Битов не считал 37-ой год самым страшным. По его мнению, и 1918-ый, и 1919-ый, и 1929-ый — не менее страшные и тоже дали талантливые поколения. Получается так — чем страшнее история, тем больше рождается людей, которые оправдают эпоху. 37-ой оправдан этими рождениями.

«А заканчивает этот год, например, декабрьский Сергей Аверинцев и, как ни странно, последним Быком оказывается Владимир Высоцкий. Правда, в своей «Балладе о детстве» он, человек с повышенным социальным чутьем, допустил ошибку: «В первый раз получил я свободу / По указу от тридцать восьмого». Указ, запрещающий аборты, был принят в 36-ом. Иначе бы он, возможно, не родился. Вот как природа обеспечивает будущее нашей литературы» [1] — размышлял Битов.

В 1937-ом также родились такие знаковые писатели, как Эдуард Успенский, Мариэтта Чудакова, Юнна Мориц, Виктория Токарева. В 1938-ом — Георгий Вайнер, Владимир Губарев, Евгений Головин, Александр Куприн, Владислав Крапивин, Венедикт Ерофеев, *Юрий Карабчиевский*.

Теория. Литературный критик и писатель Сергей Чередниченко считает, что «черты эпохи и судьбы этого поколения оказались присущи в превосходной степени именно Битову: тяжелое военное детство в эвакуации; удачно совпавшие с периодом хрущевской оттепели молодость и литературный дебют; творческая зрелость — увы, омраченная идеологическим гнетом и мукой непечатанья в мутные годы застоя; во второй половине 80-х — возвращение к российскому читателю в полном объеме; возможность подведения итогов XX века и личной творческой биографии в 90-е; наконец, статус «живого классика» в нулевые годы нового тысячелетия, дающий право собеседовать с главным классиком русской литературы — Пушкиным» [2, с. 163].

В 1938 году умирает Мандельштам, что своего рода накладывает мистический отпечаток на творчество Битова и Карабчиевского, формируя некую преемственность. Оба писателя выделяют О. Э. из плеяды ярких талантов. О чем бы ни писали авторы, касаемого человеческого опыта, они всегда вольно или невольно прибегают к способу реминисцирования; учитывая художественный опыт своих предшественников, наделяют текст собственной экспрессией.

Можно ли говорить об интертекстуальности и «диалоге между текстами» (по М. М. Бахтину) «Уроков Армении» Битова и «Тоски по Армении» Карабчиевского и провести некоторые параллели в писательской судьбе Андрея Битова и Юрия Карабчиевского, обозначив ряд вех, к которым можно отнести не только годы рождения двух писателей, но и Осипа Мандельштама, оказавшего влияние на обоих авторов, Армению, армянского писателя Гранта Матевосяна, журнал «Метрополь», диссидентство?!

Российский и американский журналист, писатель и радиоведущий Пётр Вайль метко заметил, что «любой русский, собирающийся в Армению, не пройдет мимо трех книг, (а пройдет, сделает глупо), написанных об этой стране — это «Путешествие в Армению» Осипа Мандельштама, «Уроки Армении» Андрея Битова и «Тоска по Армении» Юрия Карабчиевского» [3].

Осип Мандельштам побывал в Армении в 1930 году (цикл «Армения» был написан Мандельштамом в конце октября — начале ноября 1930 года и опубликован в мартовском номере журнала «Новый мир» в 1931 году), когда армянский народ еще остро переживал последствия Геноцида. Андрей Битов — в 1967-ом (в 1965 году армяне отметили прискорбную дату — 50-летие со дня Геноцида), в 1969-ом его «Уроки Армении» были опубликованы в «Дружбе народов», Карабчиевский — в 1976 году, когда в Армении мощно развивалась промышленность, отмечался рост населения, но опубликован очерк «Тоска по Армении» в тяжелом для армянства 1988 году в журнале «Литературная Армения», за несколько месяцев до землетрясения, когда погибли 25 тысяч человек, 514 тысяч остались без крова, а 140 тысяч получили инвалидность.

Перед тремя писателями открывается советская, абсолютно разная, но самодостаточная Армения — начального этапа формирования, серединного и, можно сказать, пика. Каждый из них отмечает, что будучи знакомым с республикой по произведениям предшественников, они увидели (создали) собственную Армению.

Писателей можно отнести к разным поколениям, несмотря на то, что Битов и Карабчиевский почти ровестники — писательский талант второго раскрылся достаточно поздно. К тому времени Битов уже успел приобрести известность, за период с 1960 по 1978 год вышли в свет около десяти книг прозы. В 1965 году он был принят ряды Союза писателей.

Если же говорить о Карабчиевском, список его писательских «достижений» достаточно скуден — дебютировал в 1955 году поэтической публикацией, в 60-х опубликовал несколько стихотворений. Но после «Пражской весны» (1968 г.) сам для себя решил, «что

все здесь для меня кончилось, и 20 лет не публиковался, до 1988 года» [4]. Битов выступает в качестве наставника (проводника!) для Карабчиевского, который отмечает это в редких интервью. «Если отодвинуть XIX век, поскольку тут мы все вышли из одних и тех же «шинелей», то для меня прозаик номер один послевоенного периода — Андрей Битов, — говорит Юрий Аркадьевич в беседе с Сергеем Шаповалом. — Я его наблюдаю и читаю с самых первых вещей» [4].

Как говорилось выше, Битов отправляется в Армению в 1967 году, по приглашению друга по Сценарным курсам Гранта Матевосяна (г. р. 1935). На тот момент Матевосян уже успел написать свое культовое произведение «Мы и наши горы», но пока не получил широкого признания. Так случилось, что Битов «сначала близко познакомился с ним как с человеком и значительно позже смог познакомиться с его книгами» [5, с. 285].

Два писателя, русский и армянский, «немножко покорители, немножко провинциалы» [5, с. 275], два года прожили в московском общежитии на улице Руставели. Первые впечатления об Армении у Битова сложились именно из рассказов Матевосяна, который тосковал по родине и «выглядел-то как повядшее растение, с трудом справляющееся с пересадкой...» [5, с. 285]

Главным предметом наблюдений для Битова становится национальный характер творческих людей, съехавшихся в столицу из разных союзных республик и обосновавшихся в общежитии. Образцом армянского характера выступает именно Матевосян.

Битовские наблюдения строились сквозь призму многовековой истории, особого мироощущения, своеобразной этнопсихологии и уникального быта. Писатель начинает задумываться о силе рода и образе армянина, от которого протягиваются нити не только к своему народу-современнику, опираясь на корни, но и к человечеству в общем. Национальный феномен обретает яркую, наполненную сущность после путешествия Битова в Армению.

Безусловно, Матевосян со щедростью радушного хозяина знакомит своего друга со страной, ее спецификой и народом, сам невольно становясь образцом национального характера.

Андрей Битов будто бы вырастает в каменистую почву, поражаясь сочетанию приземленного и сурового быта, духовности и культуре, проникаясь чувством рода и создавая свое «мы» и свои горы.

Битов был хорошо знаком с армянскими мотивами в творчестве Осипа Мандельштама, в «Уроках Армении» он цитирует своего предшественника: «Цепкость армянской речи («дикая кошка — армянская речь») так соответствует кованности армянских букв, что слово — начертанное — звякнет, как цепь» [6, с. 266]. Их связывала глубокая, можно сказать, сакральная составляющая.

В 1961 году Битову остались четыре номера «толстого» литературного журнала «Русский современник», который открывался стихотворением Мандельштама от 1 января 1924 года:

«То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш — и щучью косточку найдешь...» В «Пятом измерении» (2002 г.) Битов признается, что стихотворение Осипа Эмильевича стало первой молитвой, а летом 1963 года в Тарусе состоялось знакомство с Надеждой Яковлевной, от которой молодой писатель получил рукопись многострадального сборника «Воронежские тетради» и от руки переписал тексты [7, с. 283-284].

Гениальные писатели, считал Битов, всегда что-нибудь себе присваивают, например, Набоков — бабочку, Платонов — паровоз, Мандельштам же — числительное. «Четвертой прозе» запрещенного О. Э. в большей степени дал путевку в свет (в печать!) Битов: на даче в Токсово в 1963 году он перепечатывал этот текст с рассыпающейся рукописи... и радовался... «впервые радовался свободе» [7, с. 281]. «Первая публикация «Четвертой прозы» произошла по-чешски с моей машинописи. Надеюсь, что в перевод вкравлись мои опечатки», — пишет Битов [7, с. 282].

«Четвертая проза» у Мандельштама... Битов считывает нечто каббалистическое в числительном, а в его собственном творчестве появляются другие числительные — «Семь путешествий» (1976), «Первая книга автора» (1996), четыре тома «Империи в четырех измерениях» (1996), «Пятое измерение» (2002).

Мандельштам Битов любил отдельно. Отдельно от всех писателей. «Путешествие в Армению» О. Э. стало книжным путеводителем для автора.

«Нет ничего более поучительного и радостного, чем погружение себя в общество людей совершенно иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься» [8], — писал Мандельштам, и ему вторили Битов и Карабчиевский.

Грант в жизни Битова неизбежен, будто бы был всегда и навсегда остался. Когда-то он «влюбился в этого человека и стал его выдумывать, потому что армянского не знал <...>, а по-русски он тогда говорил очень выразительно, но..., наверное, так, как В.Сароян по-армянски...» [5, с. 304] Когда в 2002 году Матевосян ушел из жизни, Битов рассердился на него — «единственный способ перенести известие о его кончине» [5, с. 304]. И Грант продолжился в его творчестве, в его нескончаемых и взаимосвязанных «империях».

Юрий Карабчиевский едет в Армению в служебную командировку в 1976 году, спустя почти десять лет после Битова. В самолет он берет с собой книгу, название которой не упоминается, но всем понятно, о чем идет речь. «Это книга об Армении — замечательная вещь, я читал ее по меньшей мере дважды сначала до конца и еще многократно в отрывках» [9, с. 58], — пишет Карабчиевский. Эта книга нужна ему не для того, чтобы читать, но чтобы «в промежутках между двумя существованиями несколько раз раскрыть и закрыть, и как-то подготовить свое восприятие» [9, с. 58].

Карабчиевский время от времени будто бы ведет диалог с Мандельштамом. Например, увидев вывеску на армянском, он сравнивает: «Буквы, действительно, очень красивые, правильно сказано о них в этой книге, и в той, первой, ее предварявшей, и в тех, все начинавших стихах» [9, с. 60], — пишет Юрий Аркадьевич.

Он, автор нашумевшего эссе «Улица Мандельштама» (1970), признает, что для многих в России Армению открыл именно О. Э.: «Сначала стихами, затем «Путешествием», а затем уже, по порядку чтения, так часто обратному написанию, — «Четвертой прозой» [10]. Говоря это, писатель имеет в виду, что мандельштамовская Армения — это не просто топоним, точка на карте, это тяга и близость, это особое состояние и... «неизвестное силовое поле» [9, с. 71], которое оказывается истинно родным в процессе вчувствования. Автора это удивляет до восклицания, что же «она делает с человеком, Армения», а читатель «Тоски по Армении» понимает, что через призму другой страны писатель ищет себя и обретает и по сути пишет «Тоску по России» (определение литературоведа Л. Баткина) [11]. Тоска по России — по родине-матери, по очагу, по тому состоянию, которое можно описать поговоркой «где родился, там и пригодился», но... не пригодился Карабчиевский и стал жертвой сначала «внутренней эмиграции», затем переехал в Израиль.

Но... анализируя стихотворение Карабчиевского, написанное в 1968 году, можно утверждать, путь писателя к предшественнику Мандельштаму был нелегким: «Избави, Господи, от тени Мандельштама, / от на груди моей зияющего шрама <...> Оставь мне, Господи, мою немую душу» [12]. Карабчиевский, которого друзья и соратники считали во всем максималистом, максильно «увлечен» О. Э. В этом же ряду достойное место занимают Маяковский, Битов, Матевосян, с которым ему предстоит познакомиться в Армении, о котором он много слышал от Андрея Георгиевича.

Да, в Армении Карабчиевского ждет встреча с Грантом Матевосяном, для которого общий друг (Битов!) «передал кипу книг и журналов» [9, с. 68], зная его особое отношение к армянскому писателю. Карабчиевский узнал Матевосяна сразу. Паролем послужило опять же имя общего друга.

Юрия Аркадьевича приглашают домой. И эта встреча оставляет навсегда эмоциональный отпечаток — «ощущение радости и какого-то удобства, довольства, соответствия» [13, с. 69]. Даже на миг не почувствовал себя чужим Карабчиевский, обратив внимание на «странную вещь»: когда домашние переходили на армянский, ему казалось, что они продолжают говорить по-русски.

Грант тоже становится максимальным в жизни Карабчиевского. Осмысливая этот феномен спустя восемь лет существования повести «Тоска по Армении», когда все стало иным — время, читатель и Грант, и обращая внимание на «претензии» к авторскому чрезмерному отношению к личности Матевосяна, Юрий Аркадьевич анализирует его как человека, персонаж, писателя, доказывая, насколько много он, интеллигент из деревни, сделал для армянской литературы и на «имперском рынке достиг конкурентоспособного уровня» [12].

Заключение. Армения не отпускала ни Битова, ни Карабчиевского, которые после первых поездок еще много раз посещали республику. Менялись времена, страна, люди, да и сами писатели, но всегда оставалась та чувственная Армения, о которой когда-то им рассказал Мандельштам, но которая сформировалась у каждого по-своему.

В 1979 году, с идейной подачи писателей Виктора Ерофеева и Евгения Попова, выходит

в свет альманаха «Метрополь», под обложкой которого были собраны неподцензурные тексты произведений, не допущенных к печати советскими издательствами. К работе был подключен Андрей Битов, с легкой руки которого в сборнике оказались стихи Юрия Карабчиевского. После издания «Метрополя» его авторы подверглись осуждению и гонениям в Советском Союзе.

В 1978 году в армянском издательстве «Советакан Грох» выходит в свет книга Андрея Битова «Уроки Армении». Первая, так сказать, «советская» публикация «Тоски по Армении» Юрия Карабчиевского случается в 1988 году в журнале «Литературная Армения», который, издаваясь с 1958 года, на своих страницах публиковал многих запрещенных писателей.

Исторический реализм, граничащий на грани философии и бытия, присущ прозе двух писателей; он естественен и гармоничен. Воспринимая философски реалии, тем не менее они не могут примириться с действительностью и, задыхаясь, живут будто бы вопреки; Карачаевский уходит из жизни самовольно в 1992 году.

В Армении многих писателей чтят как святых. И хотя Андрей Битов и Юрий Карабчиевский не представлены в этом списке, но стоят в одном ряду с Осипом Мандельштамом — в ряду любимых, избранных народом писателей.

References:

1. Personal source.
2. Cherednichenko S. A. Puteshestvennik po Imperii [Empire Traveller]. Andrei Bitov “Literature Issues”, 2012. № 4. (in Russian).
3. Weil P. L. Toska po urokam puteshestviya v Armeniyu [Longing for the lessons of traveling to Armenia]. Radio Liberty, transmission from 20.05.2007 [Electronic resource]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/393479.html> (accessed date: 18. 05. 2019). (in Russian).
4. Shapoval S. B. Besedka [Arbor]. Uralskaya nov’, 1998. № 1. (in Russian).
5. Bitov A. G. Kavkazskiy plennik [Prisoner of the Caucasus]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2007. (in Russian).
6. Bitov A. G. Sem’ puteshestviy [Seven Travels]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel’, 1976. (in Russian).
7. Bitov A. G. Pyatoe Izmerenie [The Fifth Dimension]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2002. (in Russian).
8. Mandelstam O. E. Ves’ Osip Mandelstam [The Whole Osip Mandelstam]. All works in one book [Electronic resource]. Available at: <https://books.google.am/books?id=MQckDQAAQBAJ> (accessed date: 17.04.2020). (in Russian).
9. Karabchievsky Y. A. Toska po Armenii [Longing for Armenia]. Literaturnaya Armenia, 1998. № 7. (in Russian).
10. Prose: Soviet classic prose. Yuri Karabchievsky. [Electronic resource]. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/prose_su_classics/karabchievskiy/0/j28.html (accessed date: 30. 05. 2020). (in Russian).

11. Batkin L. Toska po Rossii [Longing for Russia]. – Drujba narodov, 1999. № 6 (in Russian).
12. Mogily ushedshikh poetov [Graves of departed poets]: Karabchievsky Y. [Electronic resource]. Available at: <http://www.po.m-necropol.ru/karabchievskiy-yuri.html> (accessed date: 30. 05. 2020). (in Russian).
13. Karabchievsky Y. A. Toska po Armenii [Longing for Armenia]. Literaturnaya Armenia, 1998. № 8. (in Russian).

Information about the author:

Elena A. Shuvaeva-Petrosyan (Russia, Armenia) - Postgraduate student of the Literary Institute A.M. Gorky, member of the Writers' Union of Armenia and member of the Club of writers of the Caucasus. E-mail: lena478@mail.ru Viber/Watsapp: +79851789217

Acknowledgements: Thanks to the reviewers for their suggestions.

Contribution of the author. The author contributed equality to the present research.